

Заозерский Н. А. Исследования в области русской науки канонического права. [Рец. на:] Павлов А. С. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и русского церковного права. М., 1892 // Богословский вестник 1893. Т. 2. № 4. С. 212–221 (2-я пагин.).

Исследования въ области русской науки канонического права.

Истекшій 1892-й годъ далъ русской канонической наукѣ нѣкоторыя изслѣдованія, по своимъ свойствамъ заслуживающія и привѣтствія, и вниманія.

Рядъ ихъ открылся весьма цѣнною монографіею *А. С. Павлова: Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ югославянскаго и русскаго церковнаго права.* М. 1892 г. ц. 1—50 к.

По внѣшней формѣ своей это—такъ сказать—контроль-книга книгъ проф. *Н. С. Суворова: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права“.* Ярославль, 1888, а по существу—глубоконаучное изслѣдованіе нѣкоторыхъ доселѣ остававшихся почти не тронутыми вопросовъ, касающихся источниковъ и памятниковъ православнаго церковнаго права. Эти памятники права, послужившіе въ настоящій разъ предметомъ ученаго вниманія почтеннаго автора, суть: 1) Заповѣдь св. отецъ; 2) Законъ судный людемъ; 3) Вопросанія Кирика, и 4) Церковныя уставы Владиміра и Ярослава. То, что въ этихъ памятникахъ послужило въ настоящій разъ предметомъ ученаго вниманія, есть вопросъ *о зависимости* ихъ отъ чужеземнаго вліянія. Что зависимость дѣйствительно существуетъ, это положеніе безспорное; что, далѣе, эти памятники образовались подъ вліяніемъ въ частности *византійскимъ*—и это положеніе до появленія вышеупомянутаго изслѣдованія проф. *Н. С. Суворова*, было общепринятымъ въ наукѣ и до нѣкоторой степени было даже научно обосновано изслѣдованіями *А. С. Павлова*. Но вотъ, назадъ тому года четыре

проф. Суворову „удалось сдѣлать одно весьма любопытное открытіе... поразительнаго сходства между однимъ средне-вѣковымъ латинскимъ пенитенціаломъ и небольшимъ славянскимъ епитимійникомъ, посящимъ въ рукописяхъ глухое надписаніе: „Заповѣдь св. Отець“¹⁾....

Припявъ латинскій пенитенціалъ за подлинникъ памятника русскаго права глубокой древности, г. Суворовъ естественно пришелъ къ мысли, что и другіе памятники нашего церковнаго права стоятъ въ такой же зависимости отъ занадныхъ пенитенціаловъ. Сравнивая тѣ и другіе, г. Суворовъ дѣйствительно и пришелъ къ мысли, что вышепоименованные памятники древнѣйшаго русскаго права носятъ несомнѣнные слѣды римскокатолическаго вліянія. Эта мысль, внѣшне-научно аргументированная, и составляетъ центръ тяжести вышеназванной его книги, побудившей проф. Павлова написать въ прошломъ году свою контръ-книгу, теперь нами разсматриваемую.

Эта книга неспровергаетъ и главную мысль, и аргументы книги г. Суворова. Рецензенту нѣтъ, конечно, возможности, да едва ли онъ и въ правѣ—изображать детали этого опроверженія: такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы многое цѣликомъ заимствовать изъ разсматриваемой книги. Поэтому, оставляя въ сторонѣ подробности опроверженія аргументовъ противника, мы ограничимся указаніемъ на тѣ положительные выводы, къ какимъ пришелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ проф. Павловъ по отношенію къ вышеперечисленнымъ памятникамъ права.

Признанный г. Суворовымъ за подлинникъ „Заповѣди св. Отець“ латинскій пенитенціалъ, называемый *Poenitentiale Merseburgense*²⁾, есть въ сущности такой же *переводъ* утраченнаго для насъ *греческаго* пенитенціала, какъ и „Заповѣдь св. Отець: *оба эти разноязычные памятника* (т. е. латинскій и древнеславянскій) *произошли изъ одного общаго греческаго источника.* (Стр. 22).

Заповѣдь св. Отець, будучи по существу своему пени-

1) А. С. Павловъ, Мнимые слѣды католич. вліянія, стр. 1—2.

2) Изданъ Вассершлебенемъ въ его: *Bussordnungen der abendländischen Kirche nebst einer rechtsgeschichtlichen Einleitung.* Halle, 1851. S. 391—401.

тенціаломъ или, выражаясь по византійски, *канонаріемъ* (сборникомъ статей, опредѣляющихъ епитиміи за разные грѣхи, налагаемые на исповѣдающагося духовникомъ) стоитъ въ естественной связи съ „чиномъ исповѣди“—*экзомологитаріемъ*— выражаясь по византійски. Принимая во вниманіе эту связь и находя восточный канонарій (выше-названный) заимствованіемъ изъ латинскаго пенитенціала, г. Суворовъ естественно былъ приведенъ къ мысли видѣть и въ древнемъ восточномъ чинѣ исповѣди—экзомологитаріи— заимствование западнаго церковнаго института. Онъ дѣйствительно и провелъ эту мысль въ своей книгѣ. По восточно-церковному преданію первымъ авторомъ экзомологитарія (равно какъ и канонарія) былъ Константинопольскій патріархъ Св. Іоаннъ Постникъ (въ концѣ VI вѣка). Но дѣло въ томъ, что въ настоящее время экземпляровъ экзомологитарія съ именемъ І. Постника древнѣйшихъ XI—XII вв. нѣтъ, да и извѣстные—подлинныя и переводныя славянскіе—существуютъ въ различныхъ редакціяхъ, такъ что въ наукѣ господствуетъ весьма основательное сомнѣніе на счетъ авторства І. Постника. Г. Суворовъ въ названной выше книгѣ пошелъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, какъ никто до него, кажется, не заходилъ. Онъ утверждаетъ, что даже и около половины IX в. у грековъ не было выработано опредѣленнаго чина исповѣди и канонарія, и что позднѣе выработанныя экзомологитаріи и канонаріи, украшенные именемъ Іоанна Постника, носятъ несомнѣнные слѣды католическаго вліянія, какъ составленные подъ руководствомъ латинскихъ *ordo poenitentiae* и пенитенціаловъ и что даже самое имя Іоанна Постника явилось въ греческихъ экзомологитаріяхъ не болѣе какъ оппозиція или противовѣсъ *Іоанну Кассіану* (около половины V в.), съ *sermo de poenitentia* коего начинаются нѣкоторыя латинскіе пенитенціалы, въ частности Мерзбургскій. (Стр. 32—35).

Проф. Павловъ въ своей книгѣ опровергаетъ это мнѣніе и аргументацію его съ тою научною основательностію, которой *не возможно противустати* и за тѣмъ отъ себя уже въ качествѣ положительнаго и научно обоснованнаго мнѣнія высказываетъ слѣдующее: „Благодаря славянскому переводу

Постникова Помоканона ¹⁾ мы получаемъ возможность сопоставить себѣ точное представленіе о томъ, какую редакцію имѣлъ *греческій подлинникъ* въ эпоху появленія этого перевода, т. е. приблизительно во второй половинѣ IX вѣка. Въ началѣ переводъ не сходится ни съ одною изъ трехъ редакцій греческаго текста, напечатанныхъ у Морина ²⁾, потомъ начинаетъ слѣдовать тексту первой редакціи, изданному подъ заглавіемъ *Ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ ἐξομολογουμένων συνταγείῃα ὑπὸ τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Νηστευτοῦ*, но тутъ дѣлаются значительные пропуски въ началѣ и срединѣ, затѣмъ передаетъ большую часть текста третьей редакціи, озаглавленной у Морина: *Ἰωάννου μοναχοῦ καὶ διακόρου, μαθητοῦ τοῦ μεγάλου Βασιλείου* и оканчивается согласно съ текстомъ первой редакціи, т. е. тою же самою молитвою, которая и тамъ стоитъ въ самомъ концѣ. Само собою понятно, что фактъ появленія Постникова помоканона въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ для новообращенныхъ болгаръ служитъ доказательствомъ обширнаго и давно уже установившагося употребленія этой книги въ практикѣ самой греческой церкви. *Такъ, мало по малу мы и приближаемся къ той эпохѣ, когда жилъ іерархъ, имя котораго носитъ на себѣ этотъ замѣчательнѣйшій памятникъ восточнаго церковнаго права.* Однако отсюда далеко еще до возможности признать этотъ памятникъ — по крайней мѣрѣ въ тѣхъ его редакціяхъ, съ которыми мы имѣли до сихъ поръ дѣло — за подлинное произведеніе патріарха Іоанна Постника. Въ этихъ редакціяхъ попадаются такія черты, которыя никакъ не могли произойти отъ руки павзаннаго патріарха, напр. цитата изъ Іоанна Лѣствичника († 606) и упоминаніе о монахахъ и монахиняхъ великой и малой схимы..... Впрочемъ, что касается анахронизмовъ, то мы уже выше имѣли случай указать на общеизвѣстный фактъ, что въ памятникахъ, подобныхъ номо-

¹⁾ Древнѣйшій славянскій переводъ этого номоканона содержится въ извѣстной румянцевской кормчѣ, копію которой представляетъ, между прочимъ, рукопись Библіотеки Моск. Духов. Академіи № 54.

²⁾ Греческій текстъ, соответствующій (хотя не вполне) началу славянскаго перевода можно читать у Питры въ Spicilegium Solesmense T. IV, p. 437 подъ рубрикою: *Ex olia ejusdem canonarii editione. Примѣч. А. С. Павлова.*

калону Постника, интерполяціи и другія перемѣны первоначальнаго текста составляютъ обычное и, можно сказать, исторически необходимое явленіе..... Для болѣе твердаго рѣшенія вопроса о подлинности Постникова номоканона, или покрайней мѣрѣ объ эпохѣ его происхожденія отъ чьей бы то ни было руки необходимо было бы сравнить все содержаніе его по старшимъ и лучшимъ спискамъ съ сочиненіями греческихъ церковныхъ писателей VI—VIII столѣтій..... Что касается въ частности того мѣста въ номоканонѣ Постника, въ которомъ проф. Суворовъ усмотрѣлъ „слѣды“ католическаго вліянія, то по справкѣ съ подлинникомъ оказывается, что оно читается не совсѣмъ такъ, какъ излагаетъ его почтенный авторъ — для вѣщаго, конечно, соглашенія съ латинскими пенитенціалами. *Да если бы и оказалось тутъ полное согласіе восточнаго пенитенціала съ западными, то мы, оглянувшись назадъ, имѣли бы право сказать: вотъ и еще заимствованіе съ Востока, unde lux для Запада, особенно въ тѣ времена, когда онъ былъ занятъ составленіемъ своихъ пенитенціаловъ“* ¹⁾.

Не говоря о лицахъ, знакомыхъ съ исторіей т. н. покаянной дисциплины, для которыхъ совершенно понятна цѣлность высказываемыхъ здѣсь положеній, послѣдніе должны привлечь къ себѣ вниманіе и cadaго православнаго христіанина, потому что и доселѣ практикуемый чинъ исповѣди съ его эпитиміями стоитъ въ генетической связи съ т. н. номоканономъ I. Постника.

Г. Суворовъ усмотрѣлъ слѣды католическаго вліянія и въ такъ назыв. „Законѣ судномъ людямъ“ (можно читать въ Кормчой книгѣ гл. 45). Глубокія спеціально историко-юридическія изслѣдованія, направленные такъ сказать къ изглаженію этого мнимаго слѣда и указанію истинныхъ, т. е. *византійскихъ* источниковъ этой болгарской компиляціи, занимаютъ въ разсматриваемой книгѣ стр. 50—107. Съ полною научною основательностію здѣсь указываются детальныя источники въ византійской литературѣ для нѣкоторыхъ положеній, имѣющихъ, по мнѣнію г. Суворова, оригиналъ свой въ латинскихъ пенитенціалахъ и нѣкото-

¹⁾ А. С. Павлова, Мнимыя слѣды католич. вліянія, стр. 45—48.

рыхъ церковныхъ установленіяхъ Западной Церкви (напр. *testes synodales*) и представляются въ качествѣ ближайшихъ источниковъ для суднаго закона: эклога Льва Исавра, избраніе отъ закона Богомъ даннаго чрезъ Моисея израильтянамъ и заповѣдь св. отецъ. Въ общемъ развиваемое здѣсь воззрѣніе высказано было уже проф. Павловымъ много прежде въ его изслѣдованіи: „Первоначальный славяно-русскій помоканонъ“ и здѣсь только полнѣе развито; но въ концѣ главы авторъ въ первый разъ знакомитъ насъ со своимъ, имѣющимъ большую цѣну мнѣніемъ о внутренней связи между „Эклогою“ и „избраніемъ отъ Закона Божія“.

„Въ западной литературѣ по исторіи источниковъ византійскаго права — говоритъ онъ — твердо установленъ только тотъ бібліографическій фактъ, что списки извѣстнаго *греческаго* „Избранія отъ закона Богомъ даннаго“ обыкновенно стоятъ въ разныхъ юридическихъ сборникахъ *рядомъ или по близости* съ двумя важнѣйшими памятниками законодательной дѣятельности императоровъ иконоборцевъ Льва Исаврянина и Константина Копронима — съ эклогою и Земледѣльческимъ уставомъ... *но никому изъ нихъ* не пришлось обращать вниманія на *внутреннее отношеніе* эклоги къ изъ Моисеевыхъ законовъ къ эклогѣ изъ прежнихъ римскихъ законовъ, несомнѣнно изданной первыми иконоборцами. Послѣдніе уже по самымъ догматическимъ воззрѣніямъ своимъ должны были питать особенное уваженіе къ „богоданнымъ“ Моисеевымъ законамъ, въ которыхъ они находили запрещеніе иконопочитанія. Съ другой стороны, порвавъ во многихъ отношеніяхъ связь съ древнимъ римскимъ (Юстиніановымъ) правомъ, которое въ эклогѣ является уже съ значительною примѣсью новыхъ, часто варварскихъ элементовъ, законодатели иконоборцы тѣмъ охотнѣе должны были обращаться къ Моисеевымъ законнымъ книгамъ, что здѣсь находилось не мало такихъ нормъ, которыя оказывались совершенно пригодными для современныхъ социальныхъ отношеній и совершенно согласныхъ съ юридическими воззрѣніями варварскихъ и полуварварскихъ массъ, составлявшихъ громадное большинство тогдашняго населенія византійской имперіи. Вотъ историческія причины, установившія внутреннюю связь законодательства императоровъ византійской династіи съ законодательствомъ Моисея. Связь

эта съ особенною ясностію можетъ быть наблюдаема въ Эклогѣ и „Земледѣльческомъ Законѣ“ съ „избраніемъ отъ Закона Божія“, даннаго израильтянамъ чрезъ Моисея“. Предисловіе къ Эклогѣ пополнено библейскими мѣстами о правосудіи, между прочимъ и такими, какія находятся въ 1-й главѣ „Избранія отъ Закона Божія“. Въ самыхъ постановленіяхъ Эклоги встрѣчаются дословныя цитаты изъ разныхъ свящ. книгъ Ветхаго Завѣта. Что же касается до „Земледѣльческаго Закона“, то нѣкоторыя статьи его суть почти буквальныя выписки изъ Моисеевыхъ законныхъ книгъ. Но такъ какъ ни Эклога, ни Земледѣльскій Законъ, ни другіе законодательные акты иконоборцевъ далеко не обнимали собою всего дѣйствовавшаго тогда права византійской имперіи, то на ряду съ ними для практики необходимы были разныя дополнительные компіляціи, извлеченныя частію изъ источниковъ прежняго римскаго права, на сколько оно оставалось еще въ дѣйствиіи частію изъ Моисеева законодательства, изъ котораго черпали матеріалъ для своихъ законовъ и сами императоры. Такъ произошло *особое* извлеченіе изъ Моисеевыхъ законныхъ книгъ, составленное если и частнымъ лицомъ, то, по всей вѣроятности, не безъ импульса со стороны самой законодательной власти. — Та же самая — т. е. внѣшняя и внутренняя связь византійской Эклоги съ законодательствомъ Моисея — даетъ себя видѣть и въ болгарской законодательной работѣ, извѣстной подъ именемъ „Закона Суднаго“ ¹⁾.

Въ „Вопрошаніяхъ“ Кирика г. Суворовъ усмотрѣлъ слѣды католическаго вліянія кромѣ „Заповѣди св. отецъ“ еще въ слѣдующихъ элементахъ: въ заказываніи литургій въ качествѣ замѣны епитиміи и въ разрѣшительной молитвѣ, входившей въ особый чинъ покаянія или примиренія. Г. Павловъ указываетъ въ греческихъ эпитимійникахъ и заказываніе литургій въ качествѣ подвига покаянія и подлинникъ разрѣшительной молитвы, введшей г. Суворова въ заблужденіе. (Стр. 114—119).

Весьма цѣнныя историко-юридическія изслѣдованія представляетъ разсматриваемая книга въ гл. IV, гдѣ рѣчь идетъ о т. н. уставѣ Владиміра. Поводомъ къ нимъ послужило

¹⁾ Стр. 103—106.

прежде всего мнѣніе г. Суворова о происхожденіи Владимірова Устава *въ западной Руси*: московскій митрополитъ Кипріанъ въ бытность свою тамъ и могъ быть авторомъ этого подложнаго устава. „Митрополитъ Кипріанъ—по словамъ г. Суворова—провелъ довольно времени въ Литвѣ, прежде чѣмъ поселиться въ Москвѣ. А не надобно забывать важности той исторической эпохи, которую переживала юго-западная Русь въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV в. Литовскіе князья, которымъ подчинилась юго-западная Русь—послѣ недолго продолжавшагося колебанія между язычествомъ, православіемъ и католицизмомъ, со времени Витовта (1386 г.) рѣшительно примкнули къ католицизму. Близкое сосѣдство съ католическою церковію, которая имѣла опредѣленную каноническимъ правомъ и признанную государственною властію судебную компетенцію, и необходимость исходатайствовать у иновѣрныхъ князей гарантированіе церковнаго суда православной церкви въ опредѣленномъ объемѣ, въ точно обозначенныхъ границахъ, а не съ туманными только указаніями на греческій номоканонъ, *могли послужить достаточнымъ поводамъ* для западнорусской православной іерархіи и для западнорусскихъ книжниковъ къ тому, чтобы историческія преданія о завѣтѣ Владиміра и существовавшую до XIV в. практику облечь въ форму письменнаго устава“ (стр. 129).

Въ противовѣсъ такому фантастическому предположенію проф. Павловъ указываетъ цѣлый рядъ *фактовъ* примѣненія устава Владимірова въ XIII в. въ сѣверной или вообще московской Руси (стр. 124—136).

Слѣды католическаго вліянія въ уставѣ Владиміра, мнимо-происшедшемъ въ западной Руси, г. Суворовъ усмотрѣлъ, во 1-хъ, въ церковной десятинѣ съ княжескихъ имѣній и доходовъ, во 2-хъ—во включеніи уставомъ св. Владиміра въ кругъ лицъ церковнаго вѣдомства всѣхъ „людей богадѣльныхъ, которые на Западѣ назывались *personae misera-biles* и состояли подъ особеннымъ покровительствомъ церкви и въ 3-хъ—въ порученіи духовнымъ властямъ надзора за правильностію торговыхъ мѣръ и вѣсовъ. Здѣсь кромѣ полемическаго интереса вниманіе читателя приковывается въ особенности обоснованіемъ мнѣнія, что церковная десятина Владимірова Устава могла произойти отъ мѣстной *государ-*

ственной десятины, установленной, быть можетъ, еще въ эпоху призванія первыхъ русскихъ князей „изъ за моря“. Такая *государственная* десятина въ византийскомъ правѣ и у югославянскихъ народовъ была а) таможенною пошлиною и б) одною изъ поземельныхъ податей. Есть указаніе на государственную десятину и въ старшемъ изводѣ Русской Правды (Академ. 41 ст.). Болгары и Сербы знали только государственную десятину, а церковная десятина являлась у нихъ въ видѣ пожалованія тому или другому церковному установленію *именно этой государственной десятины* или въ видѣ льготы, состоявшей въ освобожденіи церковныхъ и монастырскихъ земель отъ государственнаго десятиннаго сбора. Значитъ государственная десятина въ Болгаріи и Сербіи *предшествовала* церковной, была образцомъ или, лучше сказать, источникомъ для этой послѣдней. То же самое было и въ древней Руси: русская церковная десятина взята была не съ западнаго образца, а съ своего— государственнаго (стр. 144).

Послѣдній пунктъ разнорѣчія между изслѣдованіями нашихъ достопочтенныхъ ученыхъ канонистовъ составляетъ церковный уставъ князя Ярослава 1-го. Г. Суворовъ замѣтилъ въ этомъ памятникѣ права слѣде не прямого, непосредственнаго вліянія, а лишь косвеннаго и посредственнаго—черезъ „заповѣдь св. отецъ“ и „законъ судный людемъ“. Но этотъ недостатокъ матеріала для разработки главной своей темы г. Суворовъ восполняетъ другимъ вопросомъ— о времени и мѣстѣ происхожденія Ярославова устава. По мнѣнію г. Суворова, уставъ Ярослава—произошелъ въ Западной Руси въ концѣ XV в. подъ несомнѣннымъ католическимъ вліяніемъ. Этому вопросу и проф. Павловъ посвящаетъ послѣднюю главу своей книги (стр. 149—159).

Богатство и вѣскоость аргументаціи въ пользу древности восточной редакціи по сравненію съ западною редакціей устава, характеризующія эту главу, устраняютъ совершенно мысль о западномъ происхожденіи Ярославова устава. Его западная редакція есть поздняя и довольно жалкая переделка восточной, и г. Суворовъ, почитающій первую источникомъ второй, поставленъ въ невозможное положеніе объяснить: „какимъ образомъ изъ западнорусскаго „свитка

Ярославля“, въ которомъ и языкъ не древній, и счетъ денегъ ведется на сравнительно позднюю монету, могъ произойти въ Московской Руси приблизительно около половины XV в. *новый* церковный уставъ Ярослава, — *такой*, въ которомъ и языкъ обилуетъ разными архаизмами, и деньги въ большинствѣ статей считаются не московскою или литовскою монетою XIV—XV в., а *киевскою XI—XII?*“ (стр. 156).

Въ концѣ книги сдѣлано приложеніе, содержащее славянскій текстъ „Заповѣди Св. Отецъ“ по Румянцевскому списку съ разночтеніями Синайскаго Евхологіона, изданнаго Гейтлеромъ ¹⁾ и въ параллель съ нимъ латинскій текстъ Мерзенбургскаго пенитенціала, по изданію Вассершлебена ²⁾.

Вся книга вмѣстѣ съ приложеніемъ занимаетъ 174 страницы. Такъ она мала и такъ обильна содержаніемъ! По истинѣ—*non multum, sed multa!* Кромѣ научнаго своего значенія, за которое, конечно, одно уже имя автора говорить болѣе, чѣмъ наша рецензія, она имѣетъ значеніе церковнообщественное: ибо содержитъ въ себѣ уясненіе темныхъ вопросовъ о происхожденіи и цѣнности самыхъ дорогихъ по древности и значенію начатковъ и памятниковъ русскаго церковнаго права. На эту то сторону книги А. С. Павлова мы и желали обратить вниманіе особенно духовенства, коему въ наше время приходится весьма часто быть готовымъ къ серьезнымъ отвѣтамъ относительно церковныхъ уставовъ и установленій.

(Продолженіе будетъ).

Н. Заозерскій.

¹⁾ *Geitler*, Euchologium glagolski spomenik manastira Sinai brda. Zagreb. 1882. 188—195.

²⁾ *Wasserschleben*, Bussordnungen der abendländischen Kirche nebst einer rechtsgeschichtlichen Einleitung. Halle. 1851, s. 391—401.